

УДК 343.63
DOI 10.5281/zenodo.18032832

Кугаевских К. В.

Кугаевских Ксения Владимировна, Московский университет имени С.Ю. Витте, д. 12, стр. 1, 2-й Кожуховский проезд, Москва, Центральный федеральный округ, Россия, 115432. E-mail: ksen0ngl@yandex.ru.

Клевета как преступление против личности в контексте уголовной политики России: от исторических моделей к вызовам цифровой эпохи

Аннотация. В условиях цифровой трансформации преступления против чести и достоинства приобретают новые формы и угрожают не только частным интересам, но и общественной безопасности. На основе историко-правового и сравнительно-правового анализа в статье исследуется эволюция нормы о клевете в российском уголовном праве от древнерусских обычаев до современной редакции статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются исторические этапы формирования состава преступления, анализируются причины декриминализации в 2011 году и последующей криминализации в 2012 году. Особое внимание уделяется проблемам доказывания заведомой ложности сведений в условиях цифровой среды и необходимости адаптации уголовной политики к новым вызовам информационной эпохи. Обосновывается позиция о том, что клевета должна сохраняться в системе преступлений против личности, а не использоваться как инструмент политического давления.

Ключевые слова: клевета, честь и достоинство, информационная безопасность, репутационные риски.

Kugaevskikh K. V.

Kugaevskikh Ksenia Vladimirovna, Moscow State University named after S. Yu. Witte, 12, building 1, 2nd Kozhukhovsky Proezd, Moscow, Central Federal District, Russia, 115432. E-mail: ksen0ngl@yandex.ru.

Defamation as a crime against the person in the context of Russia's criminal policy: from historical models to the challenges of the digital age

Abstract. In the context of digital transformation, crimes against honor and dignity are taking on new forms and threaten not only private interests, but also public safety. Based on historical, legal and comparative legal analysis, the article examines the evolution of the libel rule in Russian criminal law from ancient Russian customs to the modern version of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The historical stages of the offense's formation are reviewed, and the reasons for decriminalization in 2011 and subsequent recriminalization in 2012 are analyzed. Particular attention is paid to the challenges of proving deliberate falsity in the digital environment and the need to adapt criminal policy to the new challenges of the information

age. The authors argue that defamation must remain within the category of crimes against the person and should not be instrumentalized as a tool of political pressure.

Key words: slander, honor and dignity, information security, reputational risks.

Актуальность темы обусловлена радикальной трансформацией общественных коммуникаций в условиях цифровизации. Современные информационные технологии позволяют мгновенно распространять информацию, в том числе ложную, при этом сохраняя анонимность источника. В этих условиях преступления против чести и достоинства, в первую очередь клевета, перестают быть исключительно частноправовой проблемой и приобретают признаки угрозы национальной безопасности.

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, к числу ключевых угроз в информационной сфере относится «распространение недостоверной информации (фейков), способной нанести ущерб интересам личности, общества и государства» [10].

Эта позиция получила дальнейшее развитие в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента от 02.07.2021 № 400, где особое внимание уделяется «защите общественного сознания от деструктивного информационно-психологического воздействия» [3].

В современной российской уголовной политике клевета представляет собой уникальный состав преступления против личности, направленный на посягательство на такие нематериальные блага, как честь, достоинство и репутация. Согласно статье 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, клевета определяется как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [15]. Эта норма, впервые появившаяся в УК РФ 1996 года, отражает признание общественной значимости репутации как независимого объекта уголовно-правовой охраны.

Истоки ответственности за клевету в российском праве восходят к древнерусскому периоду, когда, несмотря на отсутствие термина «клевета», уже существовали нормы, направленные на защиту личности от ложных обвинений. Первые зачатки правовой защиты чести на Руси восходят к «Русской Правде» (XI–XIII вв.). Хотя в этом памятнике права отсутствовало прямое упоминание термина «клевета», уже тогда предусматривалась ответственность за ложное обвинение в убийстве, именуемое «поклепной вирой» [5, с. 42]. При этом посягательства на честь не отделялись от телесных обид: обида должна была быть «реальной», то есть сопровождаться физическим воздействием. Тем не менее, норма обязывала обвинителя внести плату в случае необоснованности доноса, что свидетельствует о признании особой общественной опасности ложных обвинений. Примечательно, что даже оправданный потерпевший обязан был внести определённую плату, своеобразную государственную пошлину, что подчёркивало публичный характер правонарушения.

В XII–XV веках правовая защита чести получила дальнейшее развитие в княжеских уставах и грамотах. Устав князя Владимира Святославича (XII в.), один из ранних нормативных актов, впервые прямо квалифицировал клевету как преступление. Статья 9 Устава предусматривала наказание за обвинение в ереси или в изготовлении зелий приворотного или отравляющего свойства. Такая клевета, сопряжённая с бранным словом или оскорблением, именовалась «уреканием» [5, с. 45]. Хотя клевета как таковая в этом акте не упоминалась, уже тогда признавалась общественно опасной попытка дискредитировать человека посредством ложных утверждений.

Лишь в Судебнике 1550 года норма была конкретизирована: за клевету в ад-

рес высокопоставленных лиц: бояр, окольничих, дьяков — предусматривалась торговая казнь и тюремное заключение [8, с. 145]. Это свидетельствует о растущей дифференциации ответственности по сословному признаку и о признании чести представителей власти важнейшим элементом общественного порядка.

Новый виток развития пришёлся на эпоху петровских реформ. В Арикуле воинском 1715 года впервые были чётко разграничены два вида клеветы: устная и письменная (пасквиль). За устную клевету полагалось тюремное заключение и штраф, а за пасквиль — телесное наказание шпицрутенами, катога или тюрьма. Примечательно, что даже заведомо справедливый пасквиль подлежал сожжению под виселицей, что свидетельствовало о приоритете государственного порядка над частной правдой [2, с. 201]. Таким образом, впервые в российском праве закрепилась ответственность и за распространение достоверных, но порочащих сведений, что предвосхитило современное понятие диффамации.

В дореволюционный период подход к клевете стал более дифференцированным. В Уложении о наказаниях 1845 года клевета определялась как «несправедливое обвинение в деянии, противном правилам чести» [13]. Важно, что законодатель начал разграничивать клевету (распространение заведомо ложных сведений) и диффамацию (распространение даже истинных, но порочащих сведений). При этом доказательство истинности сведений, относящихся к служебной или общественной деятельности должностного лица, освобождало от ответственности.

С приходом советской власти произошёл радикальный пересмотр отношения к защите чести. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года определял клевету как «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо измышлений». Ключевым нововведением стало отказ от ответственности за диффамацию: распространение даже негативных, но достоверных сведений не считалось преступ-

лением. Более того, как отмечалось в комментариях того времени, «государству и обществу важно знать, что из себя представляет тот или иной гражданин... кто сообщает о таком согражданине что-либо, хотя бы и позорное, оказывает тем помочь в деле оценки его личности» [4, с. 170]. Эта логика отражала классовый подход, в рамках которого частные интересы личности подчинялись интересам строя.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года клевета (ст. 130) сохранила прежнее определение, однако наказуемость усиливалась: за клевету с отягчающими обстоятельствами предусматривалось лишение свободы до двух лет [5, с. 43]. В то же время в правовой системе утвердилась позиция о том, что достоверные сведения не могут быть основанием для уголовного преследования, даже если они унижают честь и достоинство.

С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года клевета была включена в Главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». В отличие от советского законодательства, современная редакция впервые закрепила репутацию как самостоятельный объект охраны, что отражает признание социальной роли личности в условиях демократического общества.

Особое внимание в истории нормы о клевете заслуживает период 2011–2012 годов, когда произошло резкое изменение уголовной политики: сначала клевета была декриминализована, а спустя всего семь месяцев вновь возвращена в Уголовный кодекс, но уже в виде новой статьи 128.1.

В декабре 2011 года Федеральным законом № 420-ФЗ статья 129 («Клевета») была исключена из УК РФ и переведена в разряд административных правонарушений (ст. 5.60 КоАП РФ). Официально это решение было мотивировано гуманизацией уголовного законодательства и необходимостью дифференциации правонарушений. Однако как отмечают исследователи Пикин И.В и Тараканов И.А., на практике статья 129 УК РФ не-

редко использовалась как инструмент давления на критиков: журналистов, активистов и обычных граждан, публично указывающих на коррупцию или правонарушения чиновников [6, с. 59].

Однако уже к середине 2012 года власти пришли к противоположному выводу. По мнению законодателей, административные штрафы в размере 2–5 тысяч рублей для граждан оказались настолько символическими, что перестали выполнять сдерживающую функцию. На фоне роста «жёлтой прессы» и увеличения числа резонансных, но необоснованных публикаций в интернете, содержащих обвинения в коррупции, насилии или преступлениях против нравственности, возникла практическая необходимость в более строгих мерах.

В результате 28 июля 2012 года был принят Федеральный закон № 141-ФЗ, вновь вводивший уголовную ответственность за клевету, но уже в расширенной форме как статью 128.1 УК РФ, состоящую из пяти частей. При этом принципиально изменился подход к санкциям: лишение свободы было полностью исключено, а наказание ограничилось штрафами (до 5 млн руб.) и обязательными работами (до 480 часов).

В дальнейшем законодатель продолжил уточнять состав клеветы. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 538-ФЗ из части 4 статьи 128.1 УК РФ были внесены значительные изменения, направленные на уточнение квалифицирующих признаков клеветы и усиление ответственности за её отдельные формы [14]. В частности, часть 2 статьи была дополнена новым основанием ответственности — клеветой, совершённой публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», а также в отношении нескольких лиц, в том числе не обозначенных прямо в распространяемом сообщении. При этом важно учитывать, что непосредственным объектом преступления выступают честь, достоинство и репутация конкретного человека, а обя-

зательным элементом состава — наличие потерпевшего. Под «несколькими лицами, в том числе индивидуально неопределёнными», следует понимать тех, кто может быть идентифицирован на основании содержания сведений, способа их распространения или поведения виновного, даже если их имена прямо не указаны. Если же индивидуализация невозможна, потерпевший не может быть установлен, что означает отсутствие одного из обязательных признаков состава преступления и, как следствие, исключает уголовную ответственность.

Одновременно часть 5 статьи 128.1 УК РФ была дополнена особым квалифицирующим признаком — клеветой, связанной с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. При этом из части 4 была исключена формулировка, касавшаяся обвинения в «преступлении сексуального характера», что позволило чётко разграничить указанные составы и повысить их юридическую определённость.

Следует отметить, что указанный закон усилил уголовную ответственность по частям 2–5 статьи 128.1 УК РФ: в санкциях были добавлены такие виды наказаний, как принудительные работы, арест и лишение свободы. В результате преступления, предусмотренные частями 4 и 5, были отнесены к категории преступлений средней тяжести, что свидетельствует о повышенной оценке их общественной опасности законодателем.

На практике, несмотря на введение данной нормы, случаи привлечения к уголовной ответственности за клевету в интернете остаются единичными. Основное препятствие для квалификации таких деяний — анонимность распространителей ложной информации. Несмотря на расширение квалифицирующих признаков и усиление санкций, практическое применение статьи 128.1 УК РФ сталкивается с серьёзными трудностями. Как свидетельствуют официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде Рос-

сийской Федерации, в 2024 году по части 1 статьи 128.1 осуждено 29 человек, при этом оправдано — 221 [10]. В первом полугодии 2025 года — 11 осуждённых против 103 оправданных [11]. Такое соотношение делает клевету единственным преступлением в УК РФ, по которому количество оправдательных приговоров значительно превышает обвинительные. Это указывает на то, что главная проблема правоприменения лежит не в формальном составе, а в доказывании такого субъективного признака, как заведомая ложность сведений, особенно в условиях, когда граница между фактом, мнением и оценочным суждением становится всё более размытой в цифровой среде.

В современной российской правовой системе клевета рассматривается не как изолированное правонарушение, а как элемент уголовной политики — стратегического инструмента государства, направленного на предотвращение преступности, защиту прав личности и обеспечение общественного порядка. Как подчёркивает Амирасланов Р.Р., уголовно-правовая охрана чести, достоинства и репутации должна быть не спонтанной реакцией, а продуманной политикой, соответствующей конституционным принципам и международным обязательствам [1, с. 121].

Анализ правовой эволюции нормы о клевете в УК РФ демонстрирует значительные колебания в её уголовно-правовой оценке — от полной декриминализации в 2011 году до последовательного усиления ответственности в последующие годы. Представляется, что кратковременное исключение клеветы из Уголовного кодекса было ошибкой, не предусмотревшей реальных рисков, связанных с распространением ложной информации в условиях цифровой среды. Восстановление и последующее развитие статьи 128.1 УК РФ позволило найти более адекватный баланс между защитой нематериальных благ личности и свободой выражения мнения.

Это указывает на то, что глубинная проблема лежит не в размере наказания, а в самом подходе к квалификации деяния.

Видится целесообразным пересмыслить цели и методы уголовного воздействия: от репрессивной модели к восстановительной и профилактической. Это означает, во-первых, совершенствование критериев доказывания заведомой ложности в условиях анонимности и фрагментарности цифрового дискурса; во-вторых, чёткое разграничение оценочных суждений и утверждений о фактах, что невозможно без методологической поддержки со стороны высших судебных инстанций и экспертного сообщества; в-третьих, гармонизацию уголовных норм с гражданским и административным правом, чтобы избежать правовой неопределенности и дублирования ответственности.

Основная задача уголовной политики — не расширить сферу уголовного запрета, а наладить ее регулирование, чтобы обеспечить защиту личности без подавления свободы слова, избежать инструментализации статьи 128.1 УК РФ и сохранить её в системе преступлений против личности, а не против государства. Только такой подход соответствует духу Конституции РФ, признанию человеческого достоинства высшей ценностью и вызовам современного информационного общества.

В условиях цифровой эпохи клевета перестаёт быть исключительно частноправовым конфликтом и приобретает черты общественно опасного посягательства, способного подрывать доверие к институтам и нарушить стабильность информационной среды. Однако при разработке мер противодействия таким угрозам крайне важно соблюдать баланс: с одной стороны — эффективно защищать личность от деструктивных ложных обвинений, с другой — исключить возможность злоупотребления уголовным законом для подавления добросовестной критики и легитимных публичных дискуссий. Только такой подход позволяет сохранить клевету в системе преступле-

ний против личности, как это закреплено в Главе 17 УК РФ, и избежать её смеще-

ния в сферу публично-политических инструментов давления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амиралов Р.Р. Уголовно-правовая охрана свободы, чести и достоинства личности в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2022. № 7. С. 136–139.
2. Баженова Т.М., Бодрова Э.Э., Зипунникова Н.Н. История отечественного государства и права. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2009. 280 с.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 04.11.2025).
4. Канарский С. Уголовный кодекс советских республик. Текст и практический комментарий. Киев: Гос. изд-во Украины, 1924. 512 с.
5. Никифоров С. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М.: Юридическая литература, 1964. 527 с.
6. Пикин И.В., Тараканов И.А. Специфика эволюции уголовной ответственности за клевету в уголовном праве России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 60–66. DOI 10.17223/22253513/49/6.
7. Рябченко А.Г., Черная С.Н., Кулова С.З. Суд о бесчестии в средневековой Руси // Право и практика. 2025. № 2. С. 25–29.
8. Сергеевич В. И. Древности русского права в 4 т. Москва: Издательство Юрайт. 2025. Т. 1. 382 с.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 04.11.2025).
10. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Форма № 10-а за 2024 год. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Форма № 10-а за 2025 год. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (дата обращения: 04.11.2025).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 11.11.2025).
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения 11.11.2025).
14. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 30.12.2020 N 538-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/ (дата обращения 11.11.2025).
15. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Amiraslanov R.R. Ugolovno-pravovaja ohrana svobody, chesti i dostoinstva lichnosti v Rossijskoj Federacii: sostojanie i perspektivy razvitiija // Zakon i pravo. 2022. № 7. S. 136–139.
2. Bazhenova T.M., Bodrova Je.Je., Zipunnikova N.N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. Ch. 1. Ekaterinburg: Izd-vo UrGJuU, 2009. 280 s.
3. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (data obrashhenija: 04.11.2025).
4. Kanarskij S. Ugolovnyj kodeks sovetskih respublik. Tekst i prakticheskij kommentarij. Kiev: Gos. izd-vo Ukrayny, 1924. 512 s.

5. Nikiforov S. Nauchno-prakticheskij kommentarij Ugolovnogo kodeksa RSFSR. M.: Juridicheskaja literatura, 1964. 527 s.
6. Pikin I.V., Tarakanov I.A. Specifika jevoljucii ugolovnoj otvetstvennosti za klevetu v ugolovnom prave Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2023. № 49. S. 60–66. DOI 10.17223/22253513/49/6.
7. Rjabchenko A.G., Chernaja S.N., Kulova S.Z. Sud o beshestii v srednevekovoj Rusi // Pravo i praktika. 2025. № 2. S. 25–29.
8. Sergeevich V. I. Drevnosti russkogo prava v 4 t. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt. 2025. T. 1. 382 s.
9. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400) // SPS «Konsul'tantPljus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashhenija: 04.11.2025).
10. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. Forma № 10-a za 2024 god. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (data obrashhenija: 04.11.2025).
11. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. Forma № 10-a za 2025 god. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (data obrashhenija: 04.11.2025).
12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (s izm. i dop.) // SPS «Konsul'tantPljus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashhenija 11.11.2025).
13. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 g. // URL: <https://nнов.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (data obrashhenija 11.11.2025).
14. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenija v stat'ju 128.1 Ugolovnogo kodeksa Rossij-skoj Federacii" ot 30.12.2020 N 538-FZ (poslednjaja redakcija) // SPS «Konsul'tantPljus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/ (data obrashhenija 11.11.2025).
15. Chistjakova O.I. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. M.: Juridicheskaja literatura, 1984. 430 s.

Поступила в редакцию: 18.11.2025.

Принята в печать: 30.12.2025.